

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА

ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА

*Черный Отряд
Замок Теней
Белая Роза*

КНИГИ ЮГА

*Игра Теней
Стальные сны
Серебряный клин*

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕРНОГО ОТРЯДА

*Суровые времена
Тьма*

КНИГИ МЕРТВЫХ

*Воды спят
Солдаты живут*

ПОРТАЛ ТЕНЕЙ

•

ОРУДИЯ НОЧИ

ТИРАНИЯ НОЧИ

**ПОКОРИТЕСЬ ВОЛЕ НОЧИ
ВЛАСТЕЛИН БЕЗМОЛВНОГО
КОРОЛЕВСТВА**

ЖЕСТОКИЕ ИГРЫ БОГОВ

•

ХРОНИКИ ИМПЕРИИ УЖАСА

НАШЕСТВИЕ ТЬМЫ

*Тень бесконечной ночи
Дитя октября
Нашествие Тьмы*

КРЕПОСТЬ ВО ТЬМЕ

*Огонь в его ладонях
И не щадить никого
Империя, не знавшая поражений*

ГНЕВ КОРОЛЕЙ

*Огненный ветер возмездия
Под знаменем злой судьбы
Путь к холодному сердцу*

•

ДРАКОН НЕ СПИТ НИКОГДА

•

ТЕМНАЯ ВОЙНА

*Посланица рока
Колдун
Последний обряд*

•

ЗВЕЗДНЫЕ ЛОВЦЫ

*Теневая Черта
Звездные ловцы
Звездный Рубеж*

•

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАРРЕТА

**СЛАДКОЗВУЧНЫЙ
СЕРЕБРЯНЫЙ БЛЮЗ**

**ЗОЛОТЫЕ СЕРДЦА
С ЧЕРВОТОЧКОЙ**

**ХОЛОДНЫЕ
МЕДНЫЕ СЛЕЗЫ**

**СЕДЯЯ ОЛОВЯННАЯ
ПЕЧАЛЬ**

**ЗЛОВЕЩИЕ
ЛАТУННЫЕ ТЕНИ**

**НОЧИ КРОВАВОГО
ЖЕЛЕЗА**

**СМЕРТЕЛЬНАЯ
РТУТНАЯ ЛОЖЬ**

**ЖАЛКИЕ
СВИНЦОВЫЕ БОЖКИ**

ГЛЕН КУК

ЗВЕЗДНЫЕ
ЛОВЦЫ

• ТЕНЕВАЯ ЧЕРТА • ЗВЕЗДНЫЕ ЛОВЦЫ •
• ЗВЕЗДНЫЙ РУБЕЖ •

Санкт-Петербург

ТЕНЕВАЯ ЧЕРТА

Посвящается Рихарду Вагнеру

Часть первая

ВЕРЕВКА

Кто вьет ту веревку, что свисает
с перекладины?

1. Год 3052

Кто я такой? Что я такое?

Я внебрачное дитя Теневой Черты, расселины с иззубренными краями в обожженном солнцем камне, что стала моим третьим родителем.

Вряд ли вы сумеете постичь мою суть или суть Теневой Черты, ничего не зная о моем отце. А чтобы что-то знать о Гнее Юлии Шторме, нужно быть в курсе истории моей семьи, со всеми ее запутанными взаимоотношениями. Чтобы что-то знать о моей семье...

Так может продолжаться до бесконечности, подобно расходящимся по воде кругам. И история эта, на одном конце которой стоят Теневая Черта и я сам, напоминает невероятно длинную реку, куда впадают воды десятков внешне незначительных притоков-событий.

Если говорить вкратце, я такой, какой есть, благодаря отцу и Кассию, полковнику Уолтерсу. Это рассказ о них, а также о тех, кто оказал на них влияние, в итоге сформировав тот отпечаток, который они наложили на меня.

Масато Игараси Шторм

2. Год 3031

Глубоко в подземельях Железной крепости, среди мрачных железных стен кабинета, сгорбился в глубоком мягком кресле Гней Шторм, опустив подбородок на грудь. Его здоровый

глаз был закрыт, на усталое лицо падали длинные седые волосы.

В камине рядом с ним плясали и кружились в бесконечном мавританском танце языки пламени. Свет и тень разыгрывали зловещие драмы на бесценном ковре ручной работы, вытканном на Древнем Востоке Старой Земли. Среди деревянных балок, поддерживавших каменный потолок, играли в догонялки тени несбывшегося.

Кабинет Шторма сам по себе являлся твердыней внутри крепости. То была цитадель его души, бастион сердца. Вдоль стен тянулись полки с редкими изданиями. Флотилию столов заваливали сокровища из его коллекции и бумаги подчиненных. То и дело заходили и уходили молчаливые клерки, внося дополнения в лежащий перед креслом доклад.

По комнате бродили две немецкие овчарки-мутанта величиной с шотландского пони, обнюхивая тени. Из горла одного пса вырывалось негромкое рычание. Охота на врагов не знала конца.

И она никогда не завершалась успехом. Враги Шторма не отваживались вторгаться на его родной планетоид.

В кабинет, хлопая крыльями, влетело черное существо размером с сокола и неуклюже приземлилось перед Штормом. Бумаги разлетелись во все стороны, напугав существо, похожее на миниатюрного птеродактиля. И его на мгновение окутала темная аура, скрывающая от глаз.

Это был воронопут, ночной летающий ящер из болот Сломанных Крыльев. Окружившая его тень возникала инстинктивно и играла роль защитной окраски.

Воронопут наклонил голову, глядя красным глазом на свою самку, устроившую гнездо в каменной трещине позади Шторма. Другим глазом он уставился на хозяина.

Шторм не отзывался.

Воронопут ждал.

Гней Юлий Шторм считал, что жизнь его клонится к закату. Ему было почти двести лет от роду. Благодаря последним достижениям медицины и омолаживающим технологиям вы-

глядел он на сорок пять, но врачи и машины не могли омолодить его душу.

Задремав, он уронил старую священную книгу, в которой до этого отметил пальцем фразу: «Время рождаться, и время умирать...»¹

В комнату проскользнул юноша в черной флотской форме, невысокий и стройный. И — застыл как вкопанный. Хотя он бывал в этом кабинете бесчисленное множество раз, его восточная невозмутимость вновь уступила место благоговейному трепету.

«Столько роскоши и сокровищ, — подумал Мыш. — Но разве все они не более чем Смерть, скрытая под маской из кованого золота? — Он взглянул на отца. — У него такой измученный вид. Почему его не оставят в покое?»

Но это было невозможно — по крайней мере, при жизни Ричарда Хоксблада. Никто бы не посмел. Так что однажды Гнею Шторму, как и всем наемникам, предстояло встретить на последнем поле боя смерть, после которой уже не будет воскрешения.

Шторм поднял усталое лицо, в котором по-прежнему чувствовалась сила. Ток воздуха из вентиляции пошевелил седые волосы.

Мыш тихо вышел, и на мгновение сердце защемило от глубокой тоски. Он боготворил отца, и ему было больно видеть того страдающим и загнанным в угол.

Он отправился на поиски полковника Уолтерса.

Шторм открыл здоровый глаз, столь же серый, как и его волосы, и окинул взглядом сердце своего королевства без подданных. И увидел вместо золотой маски смерти — зеркало, отражавшее его тайную суть.

В кабинете хранились не только книги. Одну стену украшала коллекция оружия — шумерская бронза рядом с универсальными пехотными пистолетами последней модели из стресс-стекла. В освещенных витринах стояли редкий фарфор,

¹ Еккл. 3: 2.

граненый хрусталь, серебряные столовые приборы и древний веджвудский фаянс. В выставленных бархатом ящиках лежало целое состояние в виде золотых монет.

Шторма всегда интриговали превратности истории. Ему нравилось окружать себя следами, которые она оставляла после себя.

Но сам он не мог сбежать во вчерашний день. Время ускользало сквозь пальцы, будто вода.

Порыв воздуха из разболтанной вентиляции перелистал бумаги на столе. Знамена над головой пошевелились, будто потревоженные призраками. Некоторые знамена были очень стары. Одно следовало за Черным Принцем в Наваррету¹. Другое пало в разгаре атаки на Литтл-Раунд-Топ². Но большинство представляли собой очередные вехи карьеры самого Шторма.

Шесть из них ничем не отличались друг от друга — одинаковые квадраты из титановой ткани, висевшие в ряд. Над ними, на черном фоне, мчался слева направо золотой ястреб над водопадом из алых капель. По сравнению со знаменами Планагагенетов они нисколько не впечатляли и тем не менее прославляли лучшие времена Железного легиона Шторма.

Он силой вырвал их у собственного Генриха Трастамарского — Ричарда Хоксблада. И каждая победа принесла ему не больше удовлетворения, чем получил Эдуард от Педро Жестокого.

Ричард Хоксблад был признанным мастером наемничества.

В собственной коллекции Хоксблада хранились пять знамен Легиона. Трижды их сражение закончилось вничью.

Шторм и Хоксблад были лучшими полководцами — королями наемников, принцами личной войны, которых в прессе

¹ *Эдуард Черный Принц* (1330—1376) — старший сын короля Англии Эдуарда III, военачальник Столетней войны, разгромивший кастильскую армию под командованием Генриха Трастамарского и Педро Жестокого в сражении при Наваррете в 1367 году.

² *Сражение за Литтл-Раунд-Топ* — один из эпизодов битвы при Геттисберге во время Гражданской войны в США, состоялось 2 июля 1863 года.

называли «баронами-разбойниками тридцать первого века». В течение десяти лет они сражались исключительно друг с другом.

Лишь Шторм и его талантливые подчиненные могли победить Хоксблада. Лишь Хоксблад обладал достаточным гением, чтобы противостоять Железному Легиону.

Именно Хоксблад был причиной дурного настроения Шторма. Разведка сообщала, что Ричард размышляет над предложением наняться на Черномир.

— Пусть оно все горит огнем, — пробормотал он. — Я устал.

Но он знал, что сражаться все равно придется — если не в этот раз, то в следующий. Ричард наверняка примет предложение, и его потенциальная жертва будет знать, что единственный ее шанс на спасение — Железный Легион. Наверняка это будет жесткий человек, зубами и когтями проложивший себе путь наверх среди таких же жестких, как и он сам, привыкший использовать наемников и убийц. Он будет искать способ, как выкрутить Шторму руки. А потом найдет этот способ и безжалостно его применит.

Шторм через все это уже проходил.

И он чувствовал, что снова грядет нечто подобное.

В прошлом месяце ему довелось побывать по личным делам в Корпоративной зоне, на Старой Земле, где он посетил ряд светских мероприятий, освежив былые контакты. К нему обратилась парочка типов, похожих на менеджеров среднего звена, предложив на выбор ряд незамысловатых гипотез.

Черномирцам не хватало изысканности. Эти начинающие Макиавелли нисколько не впечатляли, если не считать их настойчивости. Но их хозяин — совсем другое дело. Ему вежливо сообщили, что они работали на Горно-металлургическую корпорацию Блейка в Крайгороде на Черномире.

Гней Юлий Шторм был могущественным человеком. Его личная армия была обучена, мотивирована и снаряжена намного лучше, чем самые выдающиеся космические пехотинцы Конфедерации. Но его Железный Легион был не бандой флибустьеров, а многопрофильной холдинговой компанией с долевым участием в десятках крупных корпораций. Он не

просто сражался и затем какое-то время жил на широкую ногу за счет добытого, но делал долгосрочные вложения в безопасность своих людей.

Железная крепость простирала щупальца в тысяче направлений, хотя и не считалась крупной силой в мире бизнеса и финансов. Ее интересами мог манипулировать любой, имевший деньги и желание.

Это был рычаг, которым пользовались гиганты, чтобы добиться своего.

В прошлом они умело управляли личными конфликтами Шторма с Ричардом Хоксбладом, играя на его тщеславии и ненависти. Но он давно уже перестал поддаваться эмоциям.

— На этот раз будет нечто уникальное, — прошептал он.

Шторм тщетно пытался придумать, как добиться преимущества над тем, кого пока не знал и чьи намерения еще не ясны до конца.

Летучий ящер, на которого он не обращал внимания, терпеливо ждал, привыкший к его задумчивости.

Достав из лежавшего рядом с креслом футляра древний кларнет, Шторм внимательно осмотрел инструмент. А затем — заиграл мелодию, которую вряд ли опознал бы кто-то из ныне живущих.

Он наткнулся на это произведение в лавке старьевщика во время визита на Старую Землю. Название «Странник на берегу»¹ захватило его воображение — слишком уж оно ему подходило. Он ощущал себя странником на берегу времени, родившимся через полтора тысячелетия после его родной эпохи. Времена Ноллеса и Хоквуда² подошли бы ему куда больше.

Одинокая навязчивая мелодия освободила его душу. Даже с семьей, друзьями или в толпе Гней Шторм ощущал себя чу-

¹ «Странник на берегу» — популярная джазовая мелодия для кларнета авторства Акера Билка, впервые исполненная в 1961 году.

² Сэр Роберт Ноллес (1317?–1407) — английский военачальник времен Столетней войны. Методы, применяемые Ноллесом, принесли ему славу великого воина, но также грабителя и опустошителя. Джон Хоквуд (1320?–1394) — итальянский кондотьер английского происхождения, участник Столетней войны, командир знаменитого «Белого отряда» наемников.

жим, посторонним. Он чувствовал себя уютно, лишь уединившись в кабинете, в окружении вещей, из которых построил твердыню для души.

Но при этом он не мог без людей. Он нуждался в них здесь, в крепости. Ему нужно было знать, что они всегда рядом, — иначе становилось совсем одиноко.

С кларнетом он никогда не расставался. Это был его фетиш, амулет с чудодейственными способностями. Шторм ценил его больше, чем самого близкого подчиненного. Вместе с древним пистолетом — другим талисманом, который он всегда носил с собой, — кларнет не давал душе погрузиться в долгую ночь.

Мрачный. И молодой и старый одновременно. Преданный всему древнему, редкому, забытому. Проклятый властью, которой он больше не желал. Таков был в первом приближении Гней Юлий Шторм.

Власть походила на некую мифическую мантию, которую нельзя было сбросить. Чем больше он пытался от нее избавиться, тем плотнее она прилегалась и тяжелее становилась. И чтобы сбросить ее навсегда, имелось лишь два способа.

И каждый требовал смерти — его собственной или Ричарда Хоксблада.

Когда-то смерть Хоксблада была целью жизни Шторма. Но после столетних тщетных усилий казалось, что она уже не имеет такого значения.

Шторм знал: если он когда-нибудь попадет в рай, тот окажется спокойным, населенным учеными местом, где всегда найдется пристанище для хорошо осведомленного любителя антиквариата.

Воронопут на мгновение раскинул крылья.

3. Год 3052

Можем ли мы понять человека, не зная его врагов? Можем ли мы познать инь, не познав ян? Мой отец ответил бы на этот вопрос отрицательно. И он сказал бы: «Если хочешь, чтобы тебе открылись новые истины, — иди и спроси того, кто хочет тебя убить».

Человек живет. В молодости у него больше друзей, чем он в состоянии сосчитать. С возрастом их круг сужается, сжимаясь и становясь более закрытым. Зрелость и старость мы проводим за одними и теми же занятиями в обществе одних и тех же немногих друзей, редко принимая в него новичков.

Но врагами мы обзаводимся постоянно.

Они подобны зубам дракона, которые то и дело возникают на жизненном пути, где угодно и когда угодно, нежеланные и неожиданные, а иногда невидимые и неведомые. А иногда мы попросту получаем их в наследство от предков.

Мой отец был очень стар. И он был сыном своего отца.

Врагов у него имелся легион. Он сам до конца и не знал, сколько их и кто они.

Масато Игараси Шторм

4. Год 2844

Ввысоком огромном здании стояла жара, словно в теплице. Влажность и вонь сводили с ума. Крышу из поляризованной стеклостали настроили так, чтобы пропускала как можно больше солнечных лучей. Кондиционер не работал. Оставшиеся с ночи ведра с землей так и не убрали из племенных стойл.

Норбон в'Дит, облокотившись на скользкое латунное ограждение, окинул взглядом простиравшиеся под смотровой платформой акры пола.

Передвижные перегородки делили пространство на сотни крошечных отсеков, расположенных вплотную друг к другу вдоль узких коридоров. В каждом сидела симпатичная самочка. Их было так много, что от дыхания и шевелений слышался непрекращающийся шорох.

Диту было страшно, но любопытно. Он не ожидал, что племенное хозяйство столь огромно.

Ладонь отца коснулась его плеча и тут же отдернулась, жестикулируя в ходе беседы с зоотехником. Во время разговора старший Норбон всегда отчаянно размахивал руками.

— Как они могут отказаться? Рхафу, это всего лишь животные.

Дит был полностью согласен с отцом. Глава семейства Норбон никогда не бывал не прав. Рхафу наверняка ошибался. Животных ничего не интересовало, кроме кормежки и спаривания.

— Вы не понимаете, господин, — напряженно проговорил старый Рхафу. Даже Дит ощутил его замешательство из-за неспособности объяснить Норбону всю серьезность положения. — Хотя на самом деле они не то чтобы отказываются. Они просто не проявляют интереса. Все дело в бычках, господин. Будь дело лишь в телках, бычки бы их оприходовали независимо от желания.

Дит взглянул снизу вверх на Рхафу. Старик ему нравился, и он жалел, что отец не был таким же — старым искателем приключений, которым надеялся стать любой мальчишка.

Обязанности главы семейства оставляли мало времени на близкие отношения. У отца зачастую не оставалось сил на общение с сыном, и он редко уделял мальчику внимание, которого тому так не хватало.

Рхафу был бродягой со множеством историй о захватывающем прошлом. Он с гордостью носил шрамы, полученные на человеческих мирах. И у него всегда находилось время, чтобы поделиться историями с мальчиком.

Дит во всем был готов подражать Рхафу. Он собирался пережить немало собственных приключений до того, как отец передаст семейное дело в его руки. Ему хотелось совершить множество набегов на Терру, Токе и Улант, а потом вернуться с личной сокровищницей историй, богатства и почетных шрамов.

Но это были всего лишь мечты. В свои семь лет он уже знал, что наследники никогда не рисковали жизнью в безрассудных авантюрах. Последние оставались на долю младших сыновей, решивших самостоятельно строить судьбу, дочерей, неспособных заключить выгодный альянс, и тех, кто не имел ничего за душой, вроде Рхафу. Самому же Диту предназначено стать принцем-торговцем, как и его отец, далеким от куда более жестоких способов накопления богатств. Единственная

опасность, которая ему грозила, — междусемейные интриги из-за рынков, ресурсов и власти.

— Наркотики давать пробовал? — спросил отец у Рхафу.

Дит вернулся с небес на землю. Предполагалось, что он должен учиться. Отец дал бы сыну хорошего подзатыльника, если бы понял, что тот чересчур замечтался.

— Конечно. Племенные телки всегда под наркотой. Так они становятся более восприимчивыми и еще меньше сообщают.

Рхафу злился. Его работодатель не появлялся на станции Префактл уже несколько лет. Более того, признался, что ничего не знает о практических аспектах разведения рабов. Судьба забросила его сюда в самую критическую минуту, и он постоянно задавал вопросы, намекая на некомпетентность работающих здесь профессионалов.

— Мы экспериментировали с афродизиаками, но толку было мало. Бычки стали податливее, когда мы отправили нескольких за непослушание на бойню. Но, присмотревшись внимательнее, мы увидели, что они бросают начатое до завершения акта. Господин, вы не там ищите ответы на свои вопросы. Поинтересуйтесь за пределами станции. Животные не отказывались бы, если бы не оказались под чьим-то посторонним влиянием.

— Дикари? — Норбон пожал плечами, отвергая подобную мысль. — Как насчет искусственного осеменения? Мы не можем отставать от графика. Нужно исполнять контракты.

Именно этим объяснялось дурное настроение отца Дита. Кризис угрожал росту прибыли семейства Норбон.

Дит снова повернулся к стойлам. Забавно — эти животные очень похожи на сангари. Только грязные, и от них воняло.

Рхафу говорил, что некоторые дикари совсем другие и ухаживают за собой не хуже, чем сангари. А те, которых семья держала дома в имении, были чистоплотны, хорошо обучались и вообще не отличались от настоящих сангари.

Дит заметил телочку, очень похожую на его двоюродную сестру Марджо. Что, если бы женщина-сангари смешалась с этими животными? Смог бы кто-то ее отличить? С чужака-